

ЖАНР ПОВЕСТИ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

© 2022 г.

Е.В. Крикливец

Витебский государственный университет

им. П.М. Машерова

kriklivec@mail.ru

Цель работы – выявить особенности жанровой динамики повести в русской и белорусской прозе второй половины XX века. Методы исследования: сравнительно-типологический, культурно-исторический. В статье представлена концепция изучения жанрового своеобразия и жанровых границ повести, на основании которой создана модель жанровой структуры повести; установлена жанровая парадигма повести в русской и белорусской литературах исследуемого периода. Типологические особенности жанровой модификации русской и белорусской повести выявлены в стиливом поле реализма и модернизма и в интеграции художественных методов. Определены социально-исторические и культурные факторы, обусловившие национальное своеобразие русских и белорусских повестей во второй половине XX века. Раскрыт процесс взаимодействия белорусской национально-культурной парадигмы с аксиологическим пространством русской литературы.

Ключевые слова: русская проза, белорусская проза, сравнительно-типологический анализ, жанр, повесть, реализм, модернизм.

Жанрово-стилевая модификация русской и белорусской повести второй половины XX века отражает основные векторы развития литературного процесса исследуемого периода, демонстрирует общие закономерности этого процесса (смена концепции личности, коммуникативной стратегии, художественного метода) и национальную специфику (национально-культурный компонент жанрового содержания, способы репрезентации национального характера и др.). Жанр повести обладает когнитивной и коммуникативной мобильностью при сохранении канонической структуры. Стрoение и внутренняя организация целостной жанровой модели повести включают в себя семантическую (жанровое содержание, субъектная организация, тип героя, пространственно-временная организация) и морфологическую (коммуникативная стратегия, сюжетно-композиционная организация, речевая организация) со-

ставляющие. Повесть представляет собой эпический жанр, для которого характерен индуктивный способ постижения действительности. Изображение частного опыта экстраполируется на всю совокупность подобных исторических, социальных, культурных явлений, оказываясь метонимией социального или нравственного мироустройства эпохи, что порождает особое соотношение субъективного и объективного начал. Наибольший исследовательский интерес вызывают те жанровые разновидности, которые отражают жанрово-стилевую динамику русской и белорусской повести второй половины XX века, определенную особенностями историко-культурного периода и художественного метода. Поэтому объектом нашего изучения стали доминантные жанровые разновидности повести в стиливом поле реализма и модернизма и на стыке художественных систем.

Так, развитие **лирико-психологической повести** пришлось на середину 1950-х – начало 1970-х годов и было обусловлено изменением авторских подходов к художественному осмыслению военных событий и послевоенной действительности. Схематизм идеологической и производственной прозы, направленный на изображение исключительной личности, сменяется попыткой изображения обычного человека и его внутренних переживаний (Ю. Бондарев «Батальоны просят огня», Г. Бакланов «Пядь земли», В. Астафьев «Звездопад», К. Воробьев «Крик», «Убиты под Москвой», В. Белов «Привычное дело», В. Шукшин «Калина красная», В. Быков «Жураўліны крык», «Грэция ракета», «Альпійская балада», «Мёртвым не баліць», И. Пташников «Лонва», «Тартак», «Іллюк Чачык», Б. Саченко «Пакуль не развіднела», «Апошнія і першыя», А. Осипенко «Абжыты кут», «Канец бабінага лета», Я. Сипаков «Усе мы з хат» и др.). Переход от нормативной эстетики к объективному отражению жизни и психологизации повествования осуществлялся в 1950-е годы в военной литературе в контексте «окопной» прозы; в «деревенской прозе» – через интеграцию (формальную или содержательную) повести с публицистическими жанрами: эссе, очерк, репортаж (Е. Дорош «Деревенский дневник», В. Овечкин «Районные будни», Ф. Абрамов «Вокруг да около» и др.). Герой лирико-психологической повести о войне – это герой в ситуации нравственного выбора (В. Астафьев «Звездопад», Г. Бакланов «Мертвые сраму не имут», Б. Васильев «А зори здесь тихие», В. Быков «Жураўліны крык», «Зрада», «Пастка», И. Шамякин «Начныя зарніцы», «Агонь і снег», И. Пташников «Тартак» и др.). Итогом этого выбора становится духовная победа или духовная гибель героя. Ситуация смертельной опасности и поведение героя в такой ситуации основаны на личном (реальном) во-

енном опыте авторов. Это рефлексия авто-биографических переживаний. Герой лирико-психологической повести в контексте «деревенской прозы» представляет собой стремление писателей постичь амбивалентную сущность национального характера (В. Белов «Привычное дело», И. Пташников «Іллюк Чачык», В. Козько «Цвіце на Палессі груша» и др.). Психологическая коллизия заключается в попытке деревенского жителя избежать духовной деградации, найти внутренние ресурсы для морального возрождения, которое мыслится залогом духовного возрождения всей нации. Субъектная организация реалистической повести и в русской, и в белорусской литературах второй половины XX века характеризуется преобладанием рефлексивной субъективности. Прозаики активно используют автобиографический, жизненный материал, как бы опредмечивая в произведении свое сознание. Этим объясняются преобладание диететического типа нарратора в лирико-психологической повести о войне и актуализация сказового нарратора в «деревенской прозе». В стилевом плане лирико-психологическая повесть представляет собой явление переходного характера (от социалистического реализма к социально-психологическому реализму). Продуктивным на данном этапе становятся синтез реалистической парадигмы с элементами сентиментализма и романтизма (Б. Васильев «А зори здесь тихие...», В. Астафьев «Пастух и пастушка», К. Воробьев «Убиты под Москвой», В. Быков «Альпійская балада», «Даждыць да світання» и др.), обогащение неомифологическими приемами моделирования реальности (В. Астафьев «Последний поклон», В. Шукшина «Калина красная», В. Козько «Цвіце на Палессі груша», В. Карамазов «Дзень Барыса і Глеба» и др.).

Актуализация **нравственно-философской повести** в 1970-е годы, обусловлена сменой лирической доминанты на экзистенциальную. Эстетически переход к осмыслению экзистенциальных категорий предвосхитили повести о войне, написанные в духе так называемого «жестокости реализма»: в них усилились апокалипсические мотивы отчаяния и смерти. Коммуникативная стратегия нравственно-философской повести ориентирована на изображение войны как жестокого истребления человека человеком (В. Кондратьев «Сашка», В. Быков «Даждыць да світання», «Мёртвым не баліць», «Пайсці і не вярнуцца» и др.). Герой нравственно-философской повести о войне практически всегда находится в пограничном состоянии, в связи с чем и в русских, и в белорусских повестях представлено два ключевых типа героев: герои, в пограничной ситуации переживающие духовную эволюцию, так называемое «экзистенциальное пробуждение» (И. Шамякин «Гандлярка і паэт»,

В. Быков «Воўчая зграя» и др.); и герои, которых война приводит к духовному опустошению, моральной деградации (В. Астафьев «Пастух и пастушка», В. Быков «Сотнікаў», «Пайсці і не вярнуцца» и др.). Актуализация нравственно-философской повести в «деревенской прозе» определяется формированием утопического дискурса. Поиск истинной сущности человека связан с размышлениями о его родовых корнях, о малой родине. Не случайно сюжетно-композиционная организация многих произведений «деревенской прозы» соотносится с евангельской притчей о блудном сыне, интерпретация которой имеет свою специфику в русской и белорусской литературах. Русские прозаики скорбят об утрате дома-семьи, прежних нравственных основ и идеалов, об окончательном разрушении патриархального мира (Ф. Абрамов «Пелагея», «Алька», В. Распутин «Последний срок», «Прощание с Матерой», «Пожар» и др.). Белорусские авторы рассматривают необходимость сохранения основ народной нравственности и культуры как условие национального возрождения, обретения не только личной, но и национальной идентичности, а потому не отказывают «блудному сыну» в возможности возвращения (В. Карамазов «Дзень Барыса і Глеба», А. Кудравец «Раданіца», В. Козько «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел» и др.). В контексте «деревенской» и тематически близкой ей «экологической прозы» сформировалось два ключевых типа героев нравственно-философской повести – герои, намеренно или в связи с жизненными обстоятельствами разрывающие (утрачивающие) связь с корнями, с малой родиной и в большинстве случаев утрачивающие вместе с тем и нравственные основы (доминируют в русской прозе); герои, аккумулирующие, сохраняющие или восстанавливающие память о прежних обычаях, традициях, морально-этических устоях (преобладают в белорусской прозе). Кроме того, в ряде повестей появляются образы героев, семантика которых тяготеет к элементам шутовства или юродства. Наличие в русских и белорусских повестях героев такого типа свидетельствует о смене утопического дискурса антиутопическим. Таким образом, коммуникативная стратегия русской и белорусской нравственно-философской повести 1970–1980-х годов направлена на поиск смысла жизни, на постижение человеком человеческой сущности в пограничной ситуации, на осмысление философской проблематики бытия и смерти. Вторичная художественная условность, используемая писателями в нравственно-философской повести, в русской реалистической прозе обозначенного периода функционирует как стилистический прием, в белорусской – становится стилевой доминантой, что в 1980-е годы приводит к интеграции реалистической и модернистской эстетики и

активному развитию на белорусской национальной основе условно-метафорической прозы.

Обращение русских и белорусских писателей к жанровой форме **социально-психологической повести** констатировало окончательный переход от нормативной эстетики к социально-психологическому реализму. В произведениях, тематически тяготеющих к «городской прозе», возник вопрос: может ли человек противостоять социально-историческим обстоятельствам или приспосабливается к ним, идя на компромисс с совестью (Ю. Трифонов «Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Дом на набережной», И. Шамякин «Сатанінскі тур», «Падзенне», «Без пакаяння», В. Чаропка «Шчасце страцей» и др.)? В корпусе социально-психологических повестей формируются типы героев, основанные на исследовании психологии людей, переживших культ личности: герой, конфликтующий со своим внутренним «я», но идущий на компромисс с совестью; герой-«продукт» эпохи, не способный к совершению самостоятельного нравственного выбора и не имеющий (утративший) личностного начала; герой-приспособленец, предпочитающий материальные ценности духовным; антилидер; человек свиты; герой без моральных ориентиров, человек деградирующий. В социально-психологической повести о войне 1970–1990-х годов актуализируются следующие типы героев. С идейно-эстетической точки зрения продуктивным оказалось исследование психологии невоенного человека на войне. Отдельный пласт повестей составляют произведения, в которых осмысливаются судьбы детей в годы войны. В белорусской повести возникает специфический способ субъектной организации, или феномен «двойного видения», заключающийся во временной и возрастной разнице повествующего и повествуемого «я» диегетического нарратора (В. Козько «Високосный год», «Повесть о беспризорной любви», А. Адамович «Венера, або Як я быў прыгоннікам» и др.). Генезис и психологию фашизма как социального явления стремятся постичь авторы повестей, в которых художественному анализу подвергаются образы «чужих», несущих разрушение и смерть. «Локальные» военные конфликты, составившие сюжетную основу социально-психологических повестей 1990-х годов, обусловили два типа героев: профессионального военного, относящегося к войне как к работе, и молодого человека, морально искалеченного войной, потерявшего себя как личность (В. Быков «Афганец», А. Бабченко «Алхан-Юрт» и др.).

В прозе исследуемого периода основные стилевые изменения происходят в контексте интеграции реализм–модернизм. Осмысление тоталитарного прошлого и настоящего советского общества нуждалось в

изоморфной жанровой форме. Таковой оказалась **повесть-антиутопия**, отразившая социальный эксперимент в аллегорическом ключе. Политическая антиутопия всегда основана на художественной репрезентации двух оппозиционных миров: реального, в котором тоталитарное устройство поглощает личность, и альтернативного, где царят гуманистические идеалы. Однако, например, в политической антиутопии А. Кабакова «Невозвращенец» моделируются два равноценно неблагополучных общества – настоящего и недалекого будущего. И потому моральный выбор героя представляет собой поиск личной выгоды и временного благополучия, а не стремление к духовным ценностям. Метонимическая семантика идеологической антиутопии (А. Курчаткин «Записки экстремиста», В. Гигевич «КарABELЬ») позволила на примере частной идеи продемонстрировать генезис тоталитарного сознания и становление основ тоталитарного общества. При этом наблюдается эволюция идеологической проблематики в сторону углубления психологического анализа социальных механизмов и осмысления экзистенциальных вопросов через призму общественно-политического мироустройства. Идеологическая антиутопия трансформируется в социально-психологическую. Порождением XX века с его постоянно напряженной внешнеполитической обстановкой и милитаристскими настроениями является технократическая антиутопия (В. Рыбаков «Первый день спасения», Л. Петрушевская «Новые Робинзоны», А. Адамович «Последняя пастораль»), в которой писатели прогнозируют возможные последствия ядерной войны. Для нее характерны апокалипсические настроения и воплощение картины гибели цивилизации. Антиутопия второй половины XX века поставила вопрос о высокой степени личной ответственности человека за происходящие события, за его собственный нравственный выбор. Такого рода проблематика обусловила появление жанровой разновидности семейной антиутопии (В. Маканин «Лаз»). Субъектная организация русской и белорусской повести-антиутопии во второй половине XX века традиционна: повествователь, как правило, изображен эксплицитно, он является очевидцем и участником событий. Сложившийся в литературе жанровый канон антиутопии требовал от писателя изображения ритуализированного общества, в котором невозможно какое-либо самостоятельное движение личности. «Сбой» этой системы происходил тогда, когда личность отказывалась выполнять свою функцию в ритуале, то есть становилась «не как все». Прозаики второй половины XX века визуализировали эту инаковость, изобразив в своих повестях тип героя с физическими или умственными отклонениями, но наполненного духовно (В. Маканин «Лаз», В. Рыба-

ков «Первый день спасения»). Характерная для антиутопии антиномия реального и альтернативного миров обусловила появление в ряде повестей образа героя-медиатора, взаимодействующего с противоположными «полосами» художественной модели мира (В. Маканин «Лаз», А. Кабаков «Невозвращенец»). Такой герой демонстрирует условность социальных и культурных оппозиций, полярности мира, объединяющее значение общечеловеческих ценностей. Следует отметить, что антиутопия становится основной аллегорической формой именно в русской литературе в связи с тем, что сама природа русской литературной аллегории социальна. В белорусской прозе развитие получает так называемый «параболический» вектор.

Модернизм в белорусской литературе имеет ярко выраженную фольклорно-мифологическую основу, которая обусловила преобладание в белорусской прозе второй половины XX века аутентичных элементов, составивших национальную специфику белорусской литературы. Поэтому основной жанровой разновидностью белорусской модернистской прозы становится **повесть-притча**, которая представлена несколькими вариантами. Это собственно повесть-притча (В. Быков «Ваўчыная яма», В. Козько «Час збіраць косці», «І нікога, хто ўбачыць мой страх», «Прахожы», А. Боровский «Ахутавана»), приобретающая (в отличие от евангельских притч) социальное звучание, нередко ассимилирующая элементы антиутопии. Специфически белорусской модификацией притчи представляется «прыпавесць» – синтез народной (национальной) и индивидуально-авторской философии (проза В. Быкова из сборника «Пахаджане», произведения Я. Сипакова из книги «Тыя, што ідуць», повесть Ф. Сивко «Удог», повесть в «прыпавесцях» А. Мосаренко «Лесавікі»). Форма «прыпавесці» направлена на осмысление экзистенциальной проблематики через призму национальной самоидентификации. Исследование морально-этической сферы современного писателям социума диктовало появление в ряде произведений элементов публицистической проповеди, в которой исходной точкой развития мысли являются не только и не столько постулаты веры, сколько недостатки и пороки, которые можно наблюдать в обыденной жизни (А. Боровский «Княжбор»). Многозначность и символизм притчевых образов, их иносказательность позволили исследователям наряду с понятием притчи использовать представление о параболе как о произведении более абстрактном, допускающем несколько вариантов интерпретации (В. Некляев «Вежа»). Типы героев, сформировавшиеся в повести-притче, представляют собой, с одной стороны, рецепцию традиций классической реалистической прозы, с другой – отражают общие тен-

денции авангардистских течений и демонстрируют генетическую связь с другими жанровыми разновидностями повести (в частности, с антиутопией). В белорусской модернистской прозе получает воплощение интерпретация евангельской притчи о блудном сыне, ставшей сюжетной основой ряда нравственно-философских повестей в контексте реалистической эстетики. Появляется галерея образов «бывших людей», потерявших в настоящем времени, утративших связь с собой прежними, с памятью о прошлом (А. Наварич «Цкаванне вялікага звера», А. Козлов «Распяцце, альбо Ці ж баліць галава ў вароны»). На уровне пространственно-временной организации и повесть-антиутопия, и повесть-притча воплощают «двусоставную», полярную модель мира. Поэтому белорусскую метафорическую прозу роднит с русской антиутопической образ героя-медиатора. При различиях в природе иносказания (мифологической или социальной) «атрибутика» образа устойчива: наличие портала, связующего альтернативные миры, и изображение пути героя как инициации (А. Боровский «Пякельны рай»). Можно заключить, что притчевый характер белорусской модернистской повести соответствует актуальной для белорусской литературы задаче национально-духовного возрождения.

Таким образом, сравнительное изучение жанра повести в русской и белорусской прозе второй половины XX века позволило разработать концепцию изучения жанрового своеобразия и жанровых границ повести, на основании которой представить модель жанровой структуры повести; определить социально-исторические и культурные факторы, обусловившие национальное своеобразие русских и белорусских повестей второй половины XX века; конкретизировать русско-белорусские литературные взаимосвязи второй половины XX века на уровне аксиологического диапазона русской и белорусской повести.

NOVEL GENRE IN RUSSIAN AND BELARUSIAN PROSE OF THE SECOND HALF OF THE 20th CENTURY: EXPERIENCE OF COMPARATIVE STUDY

E. V. Kriklivets

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Study aim: to reveal the peculiarities of the genre dynamics of the novel in Russian and Belarusian prose of the second half of the 20th century. Research methods: comparative-typological, cultural-historical. The concept of the genre originality and genre boundaries of the novel has been developed, which forms a basis model for the

genre novel framework presented in the thesis; the genre paradigm of the novel is established in the Russian and Belarusian literature of the period under study. Typological features of the genre modification of the Russian and Belarusian novels are revealed in the stylistic field of realism and modernism and in the integration of artistic methods. The socio-historical and cultural factors that determined the national originality of the semantics and poetics of Russian and Belarusian novels in the second half of the 20th century are determined. The process of interaction of the Belarusian national-cultural paradigm with the axiological space of Russian literature is revealed.

Keywords: Russian prose, Belarusian prose, comparative typological analysis, genre, novel, realism, modernism.